ПРОЧУВСТВОВАНО В ТВОИ 20
МОЛОДЫЕ
РАССКАЗЫ
МОЛОДОСТЬ - ЭТО ПРЕОДОЛЕНИЕ
НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
Илья Рыжов

Илья Рыжов

Молодые рассказы

«Издательские решения»

Рыжов И.

Молодые рассказы / И. Рыжов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501863-2

Сборник состоит из 8 рассказов, в которых главные герои молоды, амбициозны и неопытны. Они входят в большой, «взрослый» мир и сталкиваются с несправедливостью, жестокостью и обманом. Молодость — это не про покорить мир и завоевать успех. Молодость — это про нахождение своего собственного счастья в этом мире взрослых. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-501863-2

© Рыжов И.

© Издательские решения

Содержание

Архангельская 7
Глава 1. Страх 7
1 7
2 8
3 10
4 12
Глава 2. Неуверенность 16
1 16
2 17
3 18
5 19
6 20
7 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Молодые рассказы

Илья Рыжов

© Илья Рыжов, 2019

ISBN 978-5-0050-1863-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Привет, друг!

Это ещё не сама книга, это – лишь предисловие, знакомство или легкая закуска перед основным блюдом. Можешь звать это, как пожелаешь. А для начала позволь представиться и рассказать, что тебя ждет!

Меня зовут Рыжов Илья и я автор этой небольшой, но интересной книги. Хватай мою руку, не бойся, и я проведу тебя в свой немного грустный, немного хмурый мир, но в котором непременно хочется жить, чувствовать, любить и быть человеком. Давай вместе со мной в путешествие!

«Архангельская» – это милая, нежная девочка, ради которой хочется делать всё на свете и ещё немножко. Она росла в счастливом детстве и не могла подумать, что в мире может быть что-то злое, неприятно и обманчивое.

В ***«Философе»***вы найдете своего друга, маленького члена семьи, который всё видит и всё слышит, только, может, не всё понимает.

За ***«Секунду ярости»***вы поймете, что всё, что с вами ни происходит в жизни – плохое и хорошее, справедливое и подлое, – всё случается неспроста, и обязательно вас приведёт к верному, к настоящему, к вашему.

В ***«Эпичной сцене»*** перед тобой разыграется настоящая драма двух потерянных запутавшихся людей. Но не спеши делать выводы – не всё то, чем кажется на первый взгляд.

В ***«Удивительной новости»*** ты попадешь на кухню к двум друзьям, на которых свалились тяготы сегодняшнего мира. И они пытаются с ними стойко справляться. А ещё и новость удивительную узнаешь!

В руководстве ***«Для невесток»*** ты узнаешь, за кого следует выходить замуж, а кого лучше обойти стороной. Причем это будет полезнее как для тебя, так и для общества. Ну ладно, шучу – не могу же я тебе диктовать, кого любить, а кого нет.

За ***«Застольем»*** ты расслабишься, отхлебнешь холодного вкусного пива, забудешь обо всём и даже сможешь порассуждать на темы весны, сосулек и жизни.

И наконец принимая ***«Тяжелое решение»***, ты столкнешься с непередаваемой саморефлексией, сухой правдой, которую обрушивает на себя персонаж. Но как бы не так – ты же помнишь, что всё не то, чем оно кажется на первый взгляд.

Пожалуй, это всё. Мне осталось пожелать тебе счастливого путешествия и пожелать вечно быть молодым. Ведь молодость – это не возраст, это то время, когда ты растерян, когда ты не знаешь ни себя, ни мира. В это время ты ещё не знаешь до конца, кто ты есть, кем тебе стоит быть, отчего тебя переполняют бесконечные вопросы. Но это время прекрасно тем, что ты узнаёшь, что ты стараешься и в конце концов находишь своё место! И как ты думаешь: «Так стоит ли возвращаться в это время?»

До скорой встречи, добрый друг!

Если ты хочешь следить за моими последними обновлениями, подписывайся на мой инстаграм: @ryzhovilya – порассуждаем о литературе, о книгах, о писателях, о жизни, нашей и будущей.

Архангельская

Глава 1. Страх

1

Аглая Архангельская была маленькой доброй и милой девочкой. У неё сочное и нежное личико, как мягкая абрикоска. Прямые русые и короткие волосики у неё вечно дергались, вертелись и закручивались, потому что она охотно крутила своей головкой – ведь повсюду было очень много всего красивого и интересного. Ещё она носила розовую панамку, отчего вид у неё становился важным, деловитым, делавшим её сыном, вернее, дочкой полка… Эта была та девчушка, ради которой хочется сделать всё на свете и всё равно этого было бы недостаточно.

Она росла в счастье и радости. Родители её оберегли от всех жизненных невзгод, она никогда не знала, что на детей могут кричать, не говоря про телесные наказания. Она и подумать не могла, что есть люди, которые могут предать, обмануть или даже посмеяться над тобой. (Об этом она узнавала постепенно.) Благодаря её отцу, она верила, что мужчины всегда сильные, крепкие, всегда достанут, что угодно, – хоть аленький цветочек, хоть учебник английского, которого нигде не найти, – держат слово и могут подарить игрушку просто так, ни с того ни с сего… Она безмерно любила своих родителей, радовалась, когда она с ними, и грустила, когда далеко.

Аглаю родители воспитывали, стараясь привить ей качество, которое очень сложно описать и нынче оно совершенно непопулярно ввиду противоположной доминирующей мысли общества. Родители пытались донести до девочки, что куда важнее «давать», чем «брать», куда важнее «быть», чем «иметь». Её довольно умный отец часто расходился в философствованиях на темы бытия, развала русской идеи, на божьи темы (причем начать он мог с обычной детской поделки или неудачных любовных отношениях), и конечно, девочка пяти лет мало чего понимала, если вообще что-то понимала. Мать всё время приговаривала: «Не морочь ребёнку голову», – и отец замолкал с извиняющейся улыбкой. Тогда он просто говорил простой пример: «Аглаш, вот смотри. Если я дам тебе эту игрушку, ты будешь рада. И даже если я эту игрушку очень сильно люблю, но тебе она принесет радость, я её всё равно тебе дам. Понимаешь?», – девочка всегда кивала, но всё равно смутно его понимала. Ей нравилось слушать отца, и она всецело ему верила.

Главная особенность России – в том, что «своя рубашка ближе к телу» и «свой среди чужих и чужой среди своих». Иными словами, наши дачные участки огорожены высокими непробиваемыми заборами; сортировать мусор проблематично, лучше выкинуть бутылку на соседний участок… «В Москву! В Москву!» – завет чеховских трёх сестёр оказался заветом всей России. Каждый мечтает попасть в эту крепость, огороженную Третьим транспортным, садовым и бульварным кольцами… Пробиться через эти три бастиона, пробраться в самое сердце – и тогда, и тогда… И тогда – да!

Аглая родилась и выросла на Волге. На широкой, необъятной, уходящей за горизонт. Каждый раз, когда девочка проходила по набережной и видела эту Реку, – ей всегда казалось, что Волга её обнимает, и сама Аглая станет такой же большой, щедрой, необъятной и, конечно, важной в панамке…

Она так и жила и была несчастна.

2

В садике было аж двадцать детей. С каждым Аглая была знакома, делилась секретами, помогала собирать паззлы, если они не сходились, вместе собирали шишки и каштаны. Она старалась быть отзывчивой и доброй. Пыталась помогать шить, продевать нитку в иголку, но с этим у неё у самой не клеилось, она на это очень досадовала и расстраивалась.

Ей очень нравилась их воспитательница. Марина Витольдовна Грач, сухопарая, высокая, как столб, женщина, с костлявыми руками и зализанными хвостом, всегда носившая длинные в тёмно-фиолетовых и тёмно-бардовых тонах платья с рюшами, только казалось злой и строгой. Как только Аглая её увидела, очень сильно испугалась и подумала, что это какая-то страшная и злобная ведьма, на съедение которой хотят отдать её родители. Но в первый же день, на первом же слове Марины Витольдовны, Аглая поняла, что это добрейшая и милейшая женщина.

– Дети! Давайте понсики кусять! – сказала Марина Витольдовна с полукруглой пряной улыбкой, от которой всё её лицо разошлось в кружках и овалах.

У Марины Витольдовны был очень смешной голос. Не видя её, а только слыша, можно было подумать, что говорит одна из маленьких девочек в саду. Её голосок пищал, всхлипывал тонко и нежно, а когда она чихала, даже воробушек не боялся и не отпрыгивал от неё, а принимал за своего сородича и подлетал к ней пожелать здоровья.

Марина Витольдовна очень приятно улыбалась всем детям, сидела всегда прямо, двигалась медленно, забавно досадовала на погоду: «Ох уж этот дождик! Мокрит и мокрит! Эх, даже не знаю, что же нам поделать сегодня…» Взмахивала руками, как птичка, мотала головой, как куколка, отчего Аглая смеялась и покрывалась румянцем от игрушечной воспитательницы.

Марина Витольдовна была довольно впечатлительной женщиной, и впечатлиться она могла из-за изменившейся погоды или из-за недоеденной каши: «Эх что же это такое!», или «Ох чем же нам позаниматься!», или «Ой, как же вы кашку не кусяете». Она так сильно пищала порой, что шипящие звуки у неё заменялись на «с» или «з». Это забавляло Аглаю, и она думала, что её воспитательница – свистулька.

На самом деле Марина Витольдовна была аристократических кровей. Её прапрадед был потомственным дворянином непонятно толком в каком поколении – то ли в десятом, то ли в одиннадцатом. В революцию семнадцатого года её предки уехали, само собой, за границу, через Европу в Америку. Дед был заслуженным и высококвалифицированным врачом, а бабушка – педагогом с почётной буквы. Так что они не испытывали никаких проблем по жизни, кроме той, что их потомственного семейного поместья больше нет. Экспроприировали его их же кухарки, гувернантки, няньки и рабочие, которые оказались до дури конформны и безмозглы.

Родители Марины Витольдовны пошли по стопам бабушки и дедушки, тоже стали почетными врачами и учителями, путешествовали по всему миру, возили с собой Марину. Бабушка и дедушка так часто говорили о том потомственном поместье, что Марина уже начинала думать, что она тоже там жила. Но когда они заканчивали описывать прекрасное прошлое, Марина возвращалась в настоящее, и ей становилось до скрежета жаль семейной утраты. Поэтому она решилась вернуться в Россию рано или поздно, отыскать семейную усадьбу и возродить в ней род семьи Грач.

Уехав от родителей, когда ей исполнилось восемнадцать, она направилась в Москву поступать в МГУ. Главная цель её приезда, конечно, была семейная. В МГУ она не поступила. Долго сдавала экзамены, разговаривали с деканатами и не могла понять, почему её категорически не хотят принимать. В её иногороднем взгляде и чужеземном нраве все видели зазнайство и высокомерие, и она приехала в разорённую Россию специально для того, чтобы попричитать их животную натуру, научить жизни и захватить вожжи разбуянившейся повозки России.

Ей никто не доверял, смотрели косо и расползлись слухи, что она дочка какого-то еврейского предпринимателя, который спровоцировал крах России, первым пришёл в неё и начал всё скупать и наживаться на только-только открывшемся российском рынке. Но он долго не протянул, бывшие НКВДшники устроили ему гоп-стоп и с тех пор этого еврейского предпринимателя не видели. И вот приехала его дочка мстить…

На те деньги, которые ей дали родители, она сняла хороший номер в гостинице и заселилась сразу на неделю.

В Москве она впервые увидела «Геленваген». Лица людей её устрашали. Она не понимала, почему они как будто скалятся (а Марина всегда элегантно одевалась и носила перчатки и шляпки), почему мужчины носят безвкусные малиновые пиджаки, большие золотые цепи. Россия девяностых годов ей не понравилась совершенно. Дедушка и бабушка много ей рассказывали о страшных годах революции, и она подумала, что в России она всё ещё идёт.

У неё была карта с точным местоположением поместья. Его было несложно найти, оно было в Подмосковье и называлось по их фамилии – Грачёвка.

На третий день она села в электричку и поехала. Она нашла тот самый дом. Ту самую усадьбу.

– Ты чё, сука, зыришь? Не музей, бля, – крикнуло ей друно пахнущее животное в одном рваном ботинке, с черным фингалом и земляными руками. Оно сидело чуть поодаль калитки, на сломанной скамейке, и что-то пило из грязной зеленой бутылки.

Марина Витольдовна отошла на безопасное расстояние, постояла полчаса, развернулась и ушла. Всю дорогу до гостиницы она безостановочно плакала.

Их семейная усадьба сгнила как в материальном, так и в духовном плане. Разбитые стены, пробитая крыша, на сохранившихся стенах нецензурные позорные надписи, сарай разнесён, а большой купол в центре дома, который был главной достопримечательностью и реликвией усадьбы, не существовал боле. Их прекрасный сад из вишневых, яблочных и грушевых деревьев стал похож на развороченное минами поле. Из дома, или его остатков, доносилась пьяная брань, женские непристойные стоны и виделись оборванные волосатые лица бездомных. Ей стало грустно, ей стало так больно и обидно перед своей семьей, что она не смогла вернуться к ним в Лугано, где они сейчас доживали свой век, и решила остаться в России.

Всю дорогу в электричке она плакала про себя. Когда у неё кончились слезы, она просто отключилась. Проводник на конечной остановке её разбудил. Он был не пьян и более-менее добр, так что ей повезло… Она только не обнаружила своего кошелька, но вернулась в отель в целости, только с надтреснутой душой. Она решила обосноваться в Москве и не возвращаться к родителям – не печалить их. Она не знала, что будет делать дальше. Перебивалась с одной подработки на другую. Бедствовала, горевала, плакала… И в итоге, оказалась в этом детском саду, в котором она работает уже десять лет. У неё были мужья, но все сволочи в малиновых пиджаках…

Она часто вспоминала этот горестный эпизод, но никто об этом никогда не знал. «Ох, девочки-девочки! Нельзя же так! Это неподобаюсе! Посему вы не причесываетесь? Девочка всегда должна быть причесана… Ох, это ужасно… просто ужасно…» – и последними словами она вспоминала те далекие и режущие сердца женские стоны из семейной усадьбы, людей в грязи, заросших так, что лица уже не видно, и совершенно ужасных, просто ужасных.

Так встретила Россия Марину Витольдовну Грач, потомственную дворянку, дочку заслуженных врачей и учителей, где она и осталась на всю жизнь. Ей было неприятно окунаться в эту грязь, мерзость, но ещё неприятнее ей было вывозить эту грязь и мерзость к своим родителям, в Европу, в мир. Она бы попросту не смогла смотреть «запачканными» глазами на облагороженный мир.

3

У Аглаи было три весёлых подружки в садике: Дуся, Нуся и Муся. Так, по крайней мере, звала их Марина Витольдовна. Она любила всё старинное.

С подружками Аглаша общалась близко. Утром всегда подбегала первым делом к ним, целовалась, приветствовалась и они бежали играть и делиться секретиками.

У них было своё место. В уголку комнаты стоял круглый детский столик. Он был на пластмассовых ножках, сервирован на четыре персоны детскими фужерами, чашечками и чайником. Усаживались они всегда на одни и те же места, на свои – и Муся принималась хозяйничать. Ей это очень нравилось: разливать чай, кипятить чайник и есть вкусные невидимые пирожные, – эти игры приносили ей больше всего удовольствия.

– Аглаш, ещё рано. Он горячий, – любила останавливать торопливую Аглаю Муся, когда та бралась за кружечку.

Нуся пила невидимый чай и ела невидимые пирожные только, когда ей говорила Муся.

– Ань, ну кушай. Я же всё накрывала. Почему ты не кушаешь? Не нравится?

– Нравится, нравится, – отвечала грустная Нуся, бралась за чашечку, один раз чавкала и ставила на место.

– Вот так. А теперь пирожочек, – добавляла Муся и протягивала пустую тарелочку. Нуся брала и засовывала целиком в рот.

Она не очень-то и любила эту игру. Нусе редко что вообще нравилось. Когда дети играли в вышибалы, её всегда выбивали первой и она сидела, положа голову на ручки, и не следила за игрой. Когда смотрели смешной мультик, Нуся не смеялась. Когда дети играли в догонялки, она всегда дальше всех убегала и о ней забывали.

Неделю назад ей родители подарили плюшевую игрушку, чёрного крота в синих шортиках на лямках, так теперь она всюду таскала его с собой, не выпускала из рук и иногда гладила. Когда дети у неё отбирали её игрушку, то она не плакала и гонялась за ним, а просто садилась на пол и начинала беззвучно всхлипывать. Это была жалостливая, молчаливая девочка.

Дуся считала себя самой главной в этой компании и вообще в садике. Даже главней Марины Витольдовны. Она не воспринимала воспитательницу, очень её не любила и постоянно старалась посмеяться над ней, потому что считала, что Марина Витольдовна смеялась над ней.

– Дусенька, сядь, пожалуйста, ровно. А то спинка будет неровной, как крючок. Ты же не хочешь быть крюськом? – говорила Марина Витольдовна, когда подходила к их месту и принималась им подыгрывать.

– Я Евдокия! И у меня красивая спинка, ясно? – отворачивалась и хваталась за чашку.

– Хорошо-хорошо, я и не говорю, что у тебя она не красивая, что ты… – пугалась всегда Марина Витольдовна резкости девочки и обращалась к другим. – Нусь, как твой кротик поживает?

– Заболел… – удручённо вздыхала Нуся.

– Ой, какая беда! Может, ему чайку дать?

– Мо-оже-ет… – лениво растягивала Нуся и подавала чай игрушке. – Не хочет.

– Ох, ну попозже дашь тогда. Мусь, ну как же так? Ты что, так нельзя! Нельзя же на одну тарелку выкладывать и печенья и пирожные вместе. Ну ты что, как я тебе показывала?

– Ой, а я совсем что-то замоталась, завертелась. Совсем что-то уже не вижу. Замудохалася совсем…

Марина Витольдовна улыбалась подвижной девочке, которая напоминала ей няню – такую же хозяйственную, подвижную, ругающуюся на пыль, на грязные штанишки, на недоеденную кашку, на покосившуюся причёску.

– Аглаш, ты сегодня будешь рассказывать стишок? Выучила?

– Да! Буду! – вскрикивала Аглая и расходилась краской. Марина Витольдовна потрепала её за макушку, сказала детям, чтобы они развлекались и не баловались, и отошла с грустным вздохом. Она всегда отделяла Аглаю от компании Дуси, Муси и Нуси (поэтому и называла их так), потому что видела в ней что-то светлое и неуловимое, аристократическое.

Марина Витольдовна видела в Аглае свою молодую бабушку. У неё сохранился целый альбом со старыми потёртыми фотографиями, где её двадцатилетние бабушка и дедушка вместе со своими родителями играются перед усадьбой. Перед той самой усадьбой… И бабушка такая красивая на фотографиях, в таких светлых, атласных платьишках, у неё такие коротенькие волосы и… В общем, Марина Витольдовна всегда могла распознать родную душу, интеллигентную и добрую.

– Моя мама говорит, что наша воспитательница стерва, – сказала Евдокия. Девочка, если можно так сказать, была всегда более продвинутой её сверстниц. Она всегда старалась подслушать разговоры взрослых, говорить их словами, даже если не понимала их смысла, перенимать жесты и взгляды.

– А что это? – спрашивала Муся.

– Это та женщина, которая говорит приятные слова, но на самом деле говорит плохие слова, – объясняла Дуся, строя из себя учительницу. Ей всегда нравились роли «свысока».

– Это как это? – допытывалась Муся.

– А так, когда она говорит, что ты хорошая и молодец, то думает она, что ты нехорошая и не молодец.

– Вот и мой кротик также… Он говорит мне, что всё с ним будет хорошо, а думает, что будет не хорошо, – тихо проговорила Нуся.

– Ань! Это игрушка! С ней всегда всё будет хорошо! – вскричала Дуся.

– Вот и он мне также говорит…

– А мне кажется, что Марина Витольдовна очень добрая и хорошая, – заговорила Аглая.

– Это потому что она тебя хвалит и просит рассказать стишок. А на самом деле она не любит детей.

– Нет, это не так…

– Так-так, и ты это знаешь!

– Детишки! – закричала Марина Витольдовна. – Сейчас будем кушать. Полдник! Помойте ручки и стройтесь у кухни. А я проверю…

Аглая, Нуся и Муся резво поднялись и побежали мыть ручки. Дуся встала последней, опрокинула чашечку Аглаи и неохотно пошла на кухню.

Ангел Дуси: «Вот и зачем ты это сделал?»

Чёрт Дуси: «Как это зачем? Я вообще-то Чёрт!»

Ангел Дуси: «Я имел в виду, какой сейчас был повод для этого?»

Чёрт Дуси: «Вот какой же ты недалекий… Аглая выпендривается! А выпендрежников надо приструнить! Понял?»

Ангел Дуси: «Она же не виновата, что Марина Витольдовна…»

Чёрт Дуси: «Ой, причем тут ещё эта Малина Пердольевна… Её давай ещё сюда впутай… Нет-нет! Ты думаешь, почему она стишок будет рассказывать? Потому что она его выучила? Фиг там, за неё папашка попросил, по блату, ты понял?»

Ангел Дуси: «Вот откуда ты это взял?»

Чёрт Дуси: «Так, давай не учи меня тут. Я хорошо делаю свою работу, я твердо стою на плечах! А ты где? Еле ползёшь, безногий…»

Ангел Дуси: «Я даже не успеваю…»

Чёрт Дуси: «Твои проблемы!»

Известно, что у каждого за спиной живут Ангел и Чёрт. Ангел – на правом плече, Чёрт – на левом. Каждый из них оберегает нас от потусторонних напастей и внушает в нашу голову мысли, ангельские или чертовские. Но человек сам выбирает, кого послушать и на какую сторону встать в том или ином случае. Выбирает Ангела – Ангел побеждает и в этом случае Он может уколоть Чёрта. Выбирает Чёрта – тогда Чёрт побеждает и может ударить Ангела. Но… дело в том, что отдельный Ангел и отдельный Чёрт не могут победить друг друга, им нужна некоторая помощь своих соратников, которые витают за плечами других людей.

– Аглаш, – подошла на полдник Марина Витольдовна к девочке. – Там за тобой приехали пораньше. Тебе пора… – с грустью заключила воспитательница.

– Уже? Папа приехал? Подождите, я ему скажу, что мне стишок надо рассказать, и тогда пойду, хорошо?

– Нет, Аглаш. Там за тобой водитель приехал. Сказал, что папа не смог и тебе нужно сейчас ехать на занятия.

– Ах, ну да… Точно. Вспомнила… – Аглая перед школой начала заниматься у репетитора английским языком, математикой и русским. Ей очень нравилось заниматься языками, а математика была непонятной и скучной. Сегодня как раз-таки были языки, но из-за просьбы Марины Витольдовны рассказать всем детям стишок, она совершенно об этом забыла.

Аглая допила компот, поставила на поднос и пошла в прихожую. Там её встретил водитель Вова. Он сказал ей привет, спросил, как день прошёл, попросил прощения за отца, у которого подвернулась срочная работа в Москве. Ей стало немножко грустно, но когда Вова дал ей игрушку, которую передал отец, ей полегчало, но не сильно.

4

Вечером Аглая вернулась после репетиторов грустная и расстроенная. Её учительница сказала, что ей нужен новый учебник и его нужно принести уже завтра, иначе они попросту не успеет подготовиться. А у самой учительницы этого учебника не было. Они объехали с Вовой все книжные города, и не смогли найти. И Аглая села у окошка и пустила тихую слезу.

– Ну ладно, Аглаш, не плачь. Сейчас что-нибудь придумаем, – сказал Вова и ненадолго задумался. – Посиди пока тут, я сейчас подойду.

Водителя Вовы долго не было, и Аглая начала беспокоиться в машине. Через сорок минут он пришёл, вынул из пакета учебник и дал его Аглае.

– Вот, держи! – улыбнулся Вова золотым зубом.

Аглая так обрадовалась, что обняла Вову. Когда они приехала домой, она сразу побежала к маме и всё рассказала: и как они долго ездили по городу, и какой Вова молодец и всё и всё.

– Ну вот видишь. Всё можно сделать. Ну иди играй, – сказала мама. Аглая убежала, а её мама осталась с Вовой.

На следующий день мама сама отвезла девочку в садик. Они опоздали.

Её подружки уже сидели на своих местах за столиком и играли.

– А вы знаете, что такое сука? – спросила шепотом Евдокия.

– Нет, расскажи! – попросила Муся, разливая всем чай.

– Это в общем… ну… Ну это то слово, на которое обижаются взрослые.

– А почему они на него обижаются? – спросила Нуся.

– Потому что оно значит девочка собаки.

– Что значит? Это как? – не понимала Муся, отхлёбывая чайку.

– Да что вы как маленькие! Сука – это девочка и собака.

– Фу… Это что, монстр? – брезговала Муся.

– Нет, монстры, я слышала, это лошадь и человек, – вставляла Нуся.

– Да что вы такие глупые! Нет, это не монстр и не лошадь и не человек! Вот есть собака, знаете?

– Конечно! У меня дома пудель есть. Белый, у него уши ещё такие… – рассказывала Муся.

– Неинтересно, Маш, подожди. Вот, а есть мальчики, а есть девочки.

– Девочки лучше! – крикнула Муся.

– Да подожди ты! Ну это понятно… Так вот…

– Привет, девчонки! Сегодня с мамой ехали, чуть задержались, – подбежала Аглая и со всеми обнялась.

– А чего тебя водитель не привез сегодня? – сложив руки, спрашивала Дуся.

– Не знаю. Мама сказала, что сама хочет меня отвезти. Потом ей позвонил папа, и она сразу уехала.

– Ааа… Ну понятно, – проговорила Евдокия.

Чёрт Дуси: «Ну что ты думаешь, ну! Давай»
Ангел Дуси: «Стой! Также нельзя… Подумай, зачем ты будешь…»
Чёрт Дуси: «Кто всегда был прав? Я или этот? Ну!»

– Аглай, – начала Евдокия. – А знаешь, что такое сука?

– Нет, какое-то странное слово… – чуть зажалась Аглая.

– Нет, ну ты чего. Это наоборот очень хорошее слово. Оно значит, что ты очень хорошая, добрая и приятная.

– Правда?

– Ну конечно! Я тебе что, врать буду. Вон кстати, наша воспитательница идёт. Ох, она такая хорошая, прям и не знаю, как сказать… – и многозначительно Дуся взяла чашечку.

– Привет, девчонки! – подошла Марина Витольдовна. – Как вы тут? Чаёвничаете уже?

– Марина Витольдовна! – торжественно встала Аглая. – Вы – сука! – и обняла её.

У Марины Витольдовны захватило дыхание. У неё затряслись руки и выкатились глаза. Она не слышала таких слов со своего приезда в Россию в девяностые, с того самого момента, когда она стояла у калитка семейной усадьбы… От дикого животного… И сейчас… От маленькой девочки… Которую она считала особых кровей… «Что же это? Разве уже нет… нет… Нет интелли… людей?» – проглатывала слова Марина Витольдовна.

На неё вновь нахлынули все далёкие воспоминания, которые уже давно для неё стали второстепенными, ушедшими. Если и вскакивали в голове, то вместе с ними приходила лишь грусть, но никак не боль, не досада и не страдание. Но сейчас она вновь услышала это самое слово – от такой хорошей маленькой девочки, которая напоминала её бабушку!

Дуся закатилась громким раскатистым смехом. Она подстрекала Нусю и Мусю смеяться вместе.

– Ев, так что это слово значит? – тихо спросила Муся.

– Ну ты совсем глупая? Я же тебе сказала, это собака только девочка, как и мы.

– Ааа… Поняла. А что, собаки тоже бывают мальчиками и девочками?

– Маш, не тупи!

– Так подожди-подожди. Если девочки лучше всех, то и собаки девочки получаются тоже? – спросила Муся.

Марина Витольдовна вся побледнела. Она не смогла произнести ни одного слова и убежала в уборную умыться. Аглая ничего не поняла и спросила у девочек. Муся ей всё рассказала об этом слове, и тогда Аглая посмотрела на Дусю.

– А что ты хотела? Сама виновата, что такая дурочка! Пойдём девчонки в вышибалы играть, – она встала вместе с Мусей и Нусей.

– Я не дурочка… – шёпотом проговорила Аглая, когда все ушли.

Чёрт Аглаи: «Ну теперь-то ты меня послушаешь?»
Ангел Аглаи: «Тебя никогда нельзя слушать».
Чёрт Аглаи: «Я не с тобой разговариваю».
Ангел Аглаи: «А я с тобой. Потому что она всё равно уже приняла решение».
Чёрт Аглаи: «Да твою ж мать. Ну как же так? Почему я ещё ни разу не выиграл?!»
Ангел Аглаи: «Знаешь, мои победы тоже не всегда заканчивались хорошо».
Чёрт Аглаи: «Ты, блядь, Ангел, как они могут закончиться плохо?»
Ангел Аглаи: «Могут, могут. Тем более сейчас я не так уж и выиграл. Твои собратья были очень сильны…»
Чёрт Аглаи: «Это да… Завидую им, черти!»

Аглаю в первый раз в жизни обманули. Она не понимала, что происходит, как ей себя вести. Ей показалось, что она сделала что-то неправильно, как-то обидела Евдокию, и её подруга теперь злится на неё. Тогда Аглая решила подойти к ней и поговорить.

Все дети были на улице и играли. Кто в прятки, кто собирал каштаны и кидался ими, кто в песочнике ковырял собачьи испражнения, а девочки играли в вышибалы. Аглая подошла поближе, но не решалась обратиться к Евдокии, потому что она была заворожена игрой.

Марины Витольдовны нигде не было видно.

– Ну что ты встала там, Агла? – крикнула Евдокия. – Давай с нами. Вставай в центр.

– Да как-то не очень…

Ангел Аглаи: «Ой-ой-ой, только не это…»
Чёрт Аглаи: «Да-а!!!»

– Ты чего, боишься? Давай вставай уже! Что в стороне стоять!

Аглая встала в центр. И Евдокия кинула с такой силой, что сразу попала Аглае в живот и очень больно. Аглая схватилась за живот и упала на колени.

– Ты чего делаешь? – сказала она, всхлипывая.

– Играю! А что? Ты сама виновата! Не увернулась!

Чёрт Дуси: «Толстушка… Толстушка… Толстушка…»
Ангел Дуси: «Не… Не…»
Чёрт Дуси: «Да молчи ты уже! Толстушка… Толстушка…»

– Толстушка! – выкрикнула Дуся. – Увернуться уже не может! Что, мама тебя привезла, потому к водителю не влезаешь, да?! Ха-ха-ха!!! Девчонки, у нас толстушка появилась!!! Ха-ха-ха!!!

Чёрт Муси: «Пальцем ткни! Ткни, тебе говорю! Ткни, ткни, ткни!!!»
Чёрт Нуси: «Она обижала твоего крота! Смейся! Смейся Смейся!!!»
Другие Черти: «Ржите! Ржите! Ржите!!!»

Аглая сидела на коленях и крючилась от боли. Животик её всё ещё болел, но это было не важно. Её окружило шесть девочек, тыкали в неё пальцами и смеялись, приговаривая: «Толстушка». Она заплакала, сама не понимая почему и отчего…

Чёрт Аглаи: «Ну наконец-то… Вот это победа!»

Ангел Аглаи: «Не делай этого. Прошу… Ты же её сразу…»
Чёрт Аглаи: «Да! Да-а!! Ты и так слишком часто побеждал! Теперь дай и мне…»
Ангел Аглаи: «Это не та победа. Это недостойная побе… А! Не-ет…»

В этот момент в душу Аглаи вселили страх.

Глава 2. Неуверенность

1

Аглая выросла, закончила детский сад и пошла в школу. Она осталась всё такой же милой и очаровательной девочкой, ради которой хочется сделать всё на свете и ещё немножко. Перед самой школой она быстро пошла в рост, и уже к средней школе она доросла почти до метра восьмидесяти и стала ужасно худа.

До здорового веса ей не хватало килограмм двенадцать, ситуация еще усугублялась тем, что она категорически отказывалась есть по вечерам и ругалась, если ей на глаза попадутся конфеты и шоколадки. Дело чуть ли не дошло до потери сознания и больницы, но мама её вовремя переубедила и предложила сесть на правильное питание и начать ходить в зал. Девочка на всё согласилась, но только спорт ей ужасно опротивел, он ей казался некрасивым, дерзким, животным занятием, к тому же это было чистейшее насилие над собой. В итоге, она просто села на сбалансированное питание и стала пить много воды.

У Аглаи продолжилось её беззаботное детство и в школе. Родители ограждали девочку от всех бед, напастей и берегли, как маленькую добрую принцессу, и девочка пока ещё и не знала, что люди могут кричать, быть грубыми и несправедливыми. Ничего и никогда родители ей не навязывали и не приказывали что-то делать, освобождали от всех бытовых дел, кроме минимальной уборки комнаты. Радовались первым Аглаиным пятеркам, наградам часто говорили ей, какая она большая умница.

Несмотря на тот счастливый купол, которым родители, буквально, накрыли маленькую девочку, Аглая стала всего бояться. В её четвёртом классе на отца навалилась куча проблем. Он рано уходил из дома, поздно возвращался, по выходным вечно куда-то уезжал. К ним в гости перестали ходить друзья, и это был год, когда они никуда не ездили отдыхать.

На работе у отца совершенно не клеилось. Отчего он всегда ходил серьёзный, задумчивый, злой и перестал смеяться со своей доброй принцессой. Мама на него сердилась, что он всё упустил и теперь нещадно губит семью. Бабушка лишь была миротворцем; она была сдержанной, здравой женщиной, чувства и эмоции свои она всегда держала при себе (но это не значит, что их вовсе не было), говорила всегда интеллигентно, не могла никого обидеть своими словами и решала вопросы, пользуясь логикой и разумом.

Когда Аглая спрашивала у бабушки, что происходит с папой и мамой, почему они постоянно спорят, то она отвечала, что папа один раз крупно ошибся, а мама просто не привыкла к папиным промашкам. Потом добавляла, что такое случается со всеми, «нужно, конечно, немножко погрустить, но руки опускать никогда нельзя». И в конечном итоге именно бабушка смогла вдохнуть в отца Аглаи новую надежду и силы – и всё вернулось на круги своя. Но не до конца; семья, как и раньше, начала звать друзей, ездить в путешествия, но мать раз от раза вспоминала былые времена и горестно досадовала, что её милый муж теперь не может выезжать во главе семьи.

Аглае было больно и страшно за отца. Она всегда видела его неким божеством; слушала его слова и всегда свято им верила; она любила, когда отец радостный, много шутит с ней, играется и рассказывает, пускай, и не понятные для неё ещё вещи, но такие интересные и загадочные. А когда случилась вся эта история, то Аглая целыми днями тряслась за отца, сидела в своей комнате и пыталась отвлекаться уроками. Она боялась выглядывать из своей комнаты, не дай Бог, увидит отца с серьёзным, грузным лицом, которое Аглае казалось совсем не подходящим для её доброго и сильного отца. Мама умело пользовалась Аглаиной скрытностью, говорила отцу, что, помимо прочих проблем, он ещё своим поведением пугает бедную Аглаю

и делают из неё замкнутого, закомплексованного ребёнка: «Посмотри, что со своей дочерью делаешь! В кого она вырастит?»

Отец в редкие минуты подходил к дочери, старался улыбаться и не пугать её своей раздражённостью. Дочь свою он любил, как никого и никогда. Если в жизни с ним приключались «неприятные» вещи, то дочь была для него тем островком чистого счастья и искреннего благополучия, которого он пытался достичь. Ему было обидно, что дочь его дичилась в те минуты, но винил в этом только самого себя. Отчего за неделю резко поседел, осунулся, и сердце иногда кололо его в грудь.

Что бы он ни говорил, как бы ни уверял Аглаю, какие бы шутки не шутил, слова его как будто утратили прошлую божественную силу. Аглая его слушала молча, поджав головку, и видела только то, что было на самом деле – страх.

Аглая, хоть и выросла, и поумнела, и ещё похорошела, боялась многого. Ей стало страшно темноты. Она перед самым первым (и всеми последующими) сентября переживала по своей учебе. Вдруг будут новые злые преподаватели, или она не потянет материал, или она ошибется, как папа… Шёпот страха преследовал её по пятам.

Аглая оставалась живой, подвижной, весёлой девочкой, которая во всем хочет поучаствовать. В школе она знала многих, со многими из старших, младших и параллельных классов общалась, ходила гулять в больших компаниях и порой переписывалась. Однако близких и верных подруг было всего две. Она любила с ними общаться: всегда встречала их с улыбкой, каждая новая встреча была фейерверком для неё.

Три «уси» из детского сада уже давно ушли из её жизни, после того случая их общение становилось всё более редким, далёким и натянутым. И она была рада, что оно закончилось навсегда. (Марина же Витольдовна стала закрытой, подурнела, потемнела, у нее начали дрожать руки и голос огрубел. Спустя год она уехала, и никто её больше не видел. То ли всё-таки уехала за границу, то ли поехала к своему поместью, о котором так никто и не узнал.)

Аглая была счастлива со своими новыми подружками, но порой на неё накатывали очередные страхи.

2

Дело было всё в том, что по непонятным причина Аглаю вечно сравнивали с одной из её подруг.

Вася Бурская была одноклассницей Аглаи; эта прагматичная циничная девочка никогда не витала в облаках, вступала с каждым в соревнование и обязательно старалась в нем победить. Не то что она была злой и самодовольной, просто состояние дикой конкуренции было для неё нормой, и она считала, что только так можно развиваться и добиваться успехов.

Шура Кашина, вторая подруга Аглаи, не понимала таких принципов, но и не высказывалась ни за, ни против них. Она была, как говорится, учёным человеком, и чуть ли не с самого первого класса её путь в науку был предначертан судьбой. До того как в их школьной программе появилась физика, она боготворила математику, считала её первоосновой сотворения мира и яростно верила, что ей можно объяснить всё вокруг. А что нельзя, того и не существует. Потом появилась физика, и она переложила всю эту концепцию на физику. И теперь для неё не стало необъяснимых вещей.

– Вот ты согласна с Васей? Ты действительно думаешь, что обязательно нужны соревнования и кто-то обязательно должен победить? – спрашивала Аглая Шуру.

– Ты же знаешь, что я отвечу, Аглай. Да, мне не нравится эта теория, но если миру сейчас она нужна, то значит я буду ей следовать.

Аглая физику слабо понимала, поэтому все эти «физические» размышления Шуры для неё были мутны и далеки, как планета Центавра. Несмотря на все доминирующие течения

общества, на то, что ему надо и как следует жить, у девочки был свой взгляд на вещи, и он шёл с ней на протяжении всей жизни. Хотя она часто (даже чаще, чем можно было) попадалась в капкан несчастья и сталкивалась лбом о гору несправедливости.

3

В школе Аглая училась замечательно. Из года в год она получала пятёрки, а если и затесаются кое-где четверки, то это из-за глупых озлобленных учителей.

– Архангельская! – чаще, чем нужно было, вскрикивала учительница географии. – Ты зачем в школу пришла? Учиться! Ты не на подиуме, зачем тебе столько краски на лице? Нет, вы только посмотрите на неё…

Географичка придиралась к её контурным картам, исправляла ей глупые и неважные описки (падежи, суффиксы наречий и проч.), коршуном выслеживала ошибки в устных ответах и ужасно досадовала, что ничего не может поделать с её списанными контрольными.

– Списала опять, Архангельская, да? Что же мне с тобой делать-то? Ну вот это ты откуда знаешь, а?

Аглая не знала, что с этим делать и рассказала маме. Тогда они пошли вместе в школу выяснить ситуацию. Мама и географичка говорили наедине, и когда мама вышла, она сказала, что это «вполне нормальная, хорошая женщина, так что не придумывай». Спустя двадцать лет, когда Аглая уже стала взрослой, успешной и замужней женщиной, мама, вспоминая эту учительницу, сказала: «Ну и стерва же! Вот прям зла не хватает!»

Географичка была мерзопакостной и, что самое больное, разрастающейся неприятностью. Однажды до неё дошло, что раз она исправляла описки Аглаи и оговорки, то руссичка и подавно так делает – так что нужно созывать с ней альянс.

Аглая почувствовала что-то неладное на уроке литературы, когда проходили Есенина. Руссичка обожала… сходила с ума по этому поэту! Её настольной книжечкой был сборник стихов Есенина. Когда она злилась на учеников, она закрывала глаза, поднимала голову, приобнимала себя за плечи и тихо читала «Белую берёзу…» На уроках она вечно повторяла:

– Дети! Сегодня у нас Есенин… А это не просто поэт… Это дух, который эивёт в каждом из нас…

Ангел Аглаи: «Никто тут, кроме нас, не живёт!»
Черт Аглаи: «Если и живёт, то я его уже съел. Ха-ха-ха!»

…и сейчас, дети… Мы войдём в ментальное поле Есенина… Дети, войдём же в его поле и услышим его голос…

Ангел Аглаи: «Вот как ты думаешь, ваши бы её забрали?»
Черт Аглаи: «Она бы всех наших распугала. Так что вы уж как-нибудь там сами порешайте с ней».
Ангел Аглаи: «Ох, и тяжелые нас ждут времена!»

…Аглая! Ты вошла в ментальное поле Есенина? Нет, ты в него не вошла!

Черт Аглаи: «Да и Слава Бо… Ой! Это что я сейчас собирался сказать… Вот эта нечисть!»

– А как в него входить-то? – спрашивала Аглая.

– Что значит – как? Очень просто. Закрываешь глаза, представляешь Есенина… Сереженьку… и начинаешь читать его стих…

– Но вы нам ещё не задавали учить его стихи.

Руссичка вышла из транса. Её глаза по мере увеличения наполнялись белой злостью; к горлу подкатывал ком, а руки начинали дрожать.

– Чт… Что? ты не знаешь… ты не… Ни одного стихотворения Есенина? Два! – крикнула она и в ярости подскакивала к журналу.

Черт Аглаи: «Да уж… Тут задумаешься, на кой мне нужна работа, если такие вот сами всё сделают…»

Ангел Аглаи: «Вот вы сами и виноваты. Ничего святого в их душах не оставили. Вот и зачем вам нужны были все эти дикие революции, девяностые, а?»

Черт Аглаи: «Это уже не мы были…»

Непонятно, чем вызвала Аглая немилость в душах этих учительниц. Их неприязнь казалась как будто кровной: не важно, почему и за что я тебя ненавижу, но я тебя ненавижу и я тебя убью! Кто знает этих учителей? У них тоже работа не сладкая – из года в год рассказывать непослушным детям одно и то же без возможности продвижения… Так что…

Аглаю, конечно, каждый раз задевали такие несправедливые выпады учителей. Но она никогда не была вспыльчивой, никогда не отстаивала свою правоту с пеной у рта, а просто говорила по факту, что она сделала и что не сделала. К сожалению, ей приходилось делать больше остальных детей в классе, чтобы заслужить четвёрку. И она делала.

5

У Аглаи в школе был театр. Попала в него она совершенно случайно – просто искала классную руководительницу, чтобы отдать журнал, но на неё наткнулся школьный режиссёр. Он её сразу и приметил, она ему очень понравилась по фактуре, грации и особенно нежному лицу. И он её, не думая, пригласил.

Аглая пронималась в нём всего несколько месяцев, как ей уже давали главные роли. У девочки был прелестный чистый голос, только тихий и робкий.

Эдуард Парамонович, тот самый режиссёр, был исключительно творческим человеком, что выказывал одним своим ликом, походкой и манерой говорить. Внешне он выглядел ничтожно: потрёпанные, замусоленные брюки, плешивая чёрная голова, местами разорванный серый под горло свитер, ботинки с оторванными каблуками без носков и слепой взгляд (минус десять). Несмотря на наружность, он был добрейшей души человеком, всегда говорил с уменьшительно-ласкательными суффиксами, целовал девочкам ручки и никогда не повышал голос. Однако, согласно его творческому тонкому строению, для вдохновения он порой выпивал и превращался в совершенно противоположное чудовище – скрягу, ворчуна и грубияна. Порой в таком виде он заявлялся на репетиции.

– Аглая! – Кричал он, борясь с икотой. – Шош ты так пищишь, как будто у тебя гиря к жопе подвешена! – Дальше он начинал безудержно икать и убегал. Возвращался он уже «очищенным», со здоровым лицом и добрыми шутками. Но Аглаю это всё равно задевало, и она боялась и петь, и танцевать, и поднимать головы. Именно в театре она узнала, что из-за своей слабости люди могут быть жестокими.

Ангел Аглаи: «Вот зачем же ты это, а? Опять? Тут-то что?»

Чёрт Аглаи: «Как что? Страх!»

Чёрт подсыпал Аглае в душу приправу страха.

Ангел Аглаи: «А чего бояться-то дурака, тем более пьяного? К тому же тут восемь здоровых парней! Они-то! Ну они-то!»

Чёрт Аглаи: «Когда все эти восемь Чертей сыплют страх, то ты тоже будешь».

6

Одна из репетиций стала особенной. Эдуард Парамонович в честь подступающего Восьмого марта готовил постановку «Ромео и Джульетта» в весенней интерпретации. Его задумка заключалась лишь в том, что Монтекки – это Овощи, а Капулетти – это Фрукты; концовку он также изменил на добрую. И смысл всей пьесы должен был стать таким: весна – это время чудес и любви, и фруктам и овощам не нужно враждовать, ибо любовь спасёт мир. В остальном же он придерживался классика.

Главные роли, то есть Ромео, а в этой постановке Огурец, и Джульетта, а здесь – Персик, достались Кире Мандрику и Аглае Архангельской. Эдуард Парамонович выбрал Кирю на роль Огурца потому, что он был выше всех и в ярких веснушках, а ещё и говорил каким-то огурцовым голосом: «Как будто хрустит и на языке чувствуется малосольный привкус». Режиссёр у них и правда был тонкой натурой.

А Аглаю он сам порой называл Персиком за её мягкую игру, нежные движения рук и короткие бархатистые волосы.

Киря и Аглая учились в параллельных классах, познакомились только когда Аглая стала регулярно посещать репетиции, но лично, наедине, пока ещё не общались. Аглае Киря понравился за его всегдашнее желание помочь и тягу к приятным неспешным разговорам. Он всегда был душой компании, много шутил, врал, что с ним приключалось за границей. Вряд ли его байкам охотно верили, но слушать было приятно и смешно.

Когда же появилась Агла, Киря несколько поутих в своих завиральных историях. Друзья начали его подкалывать, мол, что ты скажешь на то, что детям в Эфиопии или Танзании в пятнадцать лет выбивают зубы и оставляют только десять? Если Аглая была свидетелем таких подколов, то Киря мямлил, краснел и говорил, что не знает, никогда там не был, но обязательно поедет и выяснит. А если Аглаи не было, то на эту чушь плёл ещё более замудрённую туфту, что никто уже не обращал внимания на смыслы, а просто хохотал.

На репетициях «Ромео и Джульетты» во фрукто-овощной интерпретации Киря стал всё больше вызывать недовольство Эдуарда Парамоновича.

– Вот что ты такое делаешь? – возмущался режиссер. – Киря, ты тут дольше всех, а такие глупые ошибки. Я как вам говорил двигаться? Как будто вместо крови у вас течёт ртуть, густая и плотная! И если вам нужно поднять руку, то вся ртуть соберётся в руке. А если надо поднять выше и ткнуть пальцем вверх, то вы должны почувствовать жжение на кончике пальца! А ты что двигаешься у балкона, как неприкаянный? Ну-ка давай ещё раз! Иначе заставлю всё заново переделывать.

Эдуард Парамонович возвращался в кресло, чесал бороду и видел, что вместо ртути по венам Кири Мандрика бегает склизкое желе.

Ромео (то есть огурец)
«Скажи, кто та, чья прелесть украшает
Танцующего с ней?»

Слуга (то есть Петрушка)
«Синьор, не знаю»

Ромео (Огурец)

«Она затмила факелов лучи!
Сияет красота её в ночи,
Как в ухе мавра жемчуг несравненный…»

Киря играл не очень. Читая монолог, он смотрел вниз и стоял на одном месте; его интонация была нелогичной и голос тихий, будто он стеснялся. Эдуард Парамонович не смог дольше этого терпеть и объявил перерыв. «Ох, Костя, Костя, всё загубили! Прости же нас грешных», – выходя из зала с понурой головой, он вспоминал Станиславского и шёл к себе в подсобку заглушить тяжесть потерянного поколения и ушедшего великого искусства…

Все актёры разбрелись кто в буфет, то покурить втихаря за школой, а кто остался обсуждать завтрашние уроки. Аглая же устала от игры, ей стало душно, чуть кружилась голова – и она решила посидеть в одиночестве и отдохнуть за кулисой.

– Агла… – сорвавшимся голосом шептал Киря. Он долго откашливался перед тем, как продолжить. – Аглай, пойдём, может, прогуляемся?

– Сейчас? – «Что же это он хочет? Никогда не подходил, а тут…»

– Ну да. Пройдёмся вокруг школы, а то тут как-то скучно…

Аглая, в итоге, согласилась, и они пошли. Он никогда к ней не обращался лично, напрямую, поэтому он казался несколько загадочным, отдалённым, отчего и привлекательным.

Чёрт Аглаи: «Ага, во донжуан тоже мне…»
Ангел Аглаи: «Ну что? Это всё-таки первая любовь, а ты опять. Хоть её не порть бедной девочке, пожалуйста».
Черт Аглаи: «Я-то тут при чем. Тут вон… Всё от огурца зависит».

Аглая и Киря шли рядом, недолго молчали – эту паузу они оба прекрасно понимали. Аглая радовалась, что на неё сам Киря обратил внимание, предложил пройтись и, кажется, что-то сейчас незнакомое, но очень невероятное должно произойти.

– Знаешь, Аглай, – заговорил дрожащим голосом Киря. – Я ведь тебя… это… С самого начала заметил… Да ты наверно сама знаешь… Чёрт! Никогда в такой ситуации не был… Даже не знаю, что говорить…

Чёрт Кири: «Ща научу! Значит так!»
Ангел Кири: «Ну ты чего? Дай им самим-то. Не пугай».

Аглая не поднимала головы и считала кирпичи на асфальте. Она загадала, что, когда она дойдет до цифры шестнадцать, всё свершится. «Лучше, конечно, на десятом. Уж очень долго ждать!» – думала она.

– Может, сядем? – предложил Киря. Они сели рядом, смотрели куда-то вниз и почти не двигались. Молчали.

«Вот, пришли. Сидим. На четвёртом сели и сидим… Сколько же ещё нам сидеть?» – еле сдерживала Аглая развернувшуюся в душе впервые в жизни бурю чувств. Она никогда не ощущала себя так прекрасно, так защищенно, наконец-то у неё теперь будет тот, кто убережёт её от всех страхов, который обнимет её так крепко, что все её страхи рассыплются.

– Аглай, – он робко поднял голову, – я уже давно хочу с тобой поговорить…

Чёрт Кири: «Нечего говорить! Хватай и беги! Хватай и беги!»
Ангел Кири: «Фу! Ну что ты опять? Не слушай его, дорогой. Люби, люби и ещё раз люби!»

…каждый день я всё жду нашей репетиции, чтобы увидеть тебя снова и сказать…

Ангел Кири: «Люблю! Просто так и скажи!»
Чёрт Кири: «Хочу! Хочу! Вот что ты должен сказать, понял?»

Киря повернулся к ней, сел прямо. Аглая едва взглянула на него в ответ и опустила голову. В руках она крепко держала свою юбку и приготовилась… «Что же так долго!»

– Я… знаешь… хотел тебе предложить… Может, мы это… будем встречаться? – И он быстро поцеловал её в щёчку и отпрыгнул сразу же.

Чёрт Кири: «Красава! Не лучший, конечно, вариант, но тем не менее…»
Ангел Аглаи: «Ох! Как же это потрясающе! Ты только посмотри, как она счастлива!»
Чёрт Аглаи: «Ага, ненадолго, ты погоди-погоди. Какой же он стра-ашный (с оскалом, шёпотом)»
Ангел Кири: «Эх, какие же всё-таки робкие…»

Аглая покраснела. Она ещё никогда не была в отношениях, и поэтому не знала, как же это случается. И этот момент был первым, памятным и самым важным в её жизни.

Она на сантиметр пододвинулась к нему, и он всё понял. Киря подскочил к ней, обнял за плечи и поцеловал в губы…

Ангел Аглаи: «Ох! Как же прекрасно! Ну наконец-то дождался! Ты, может, тоже порадуешься за девочку? Первая любовь как-никак…»
Чёрт Аглаи: «Один… Два… Три… четыре… Да сколько это может длится? Порадоваться? Это же просто отвратительно! Хотя да, я рад, Ха-ха-ха!!!»
Ангел Аглаи: «О, нет… опять…»

Поцелуй был ужасен. Аглае он совершенно не понравился, и она хотела как можно скорее его закончить, но она ещё не понимала, как ей себя вести. Ей было страшно, и она терпела…

Киря её всю облизал, попытался прихватить девочку за ноги, за грудь, но у него не очень вышло, потому что Аглая стеснялась, зажималась и боялась…

Поцелуй их, в итоге, прервался на шестнадцатом счете. «Эх, всё-таки шестнадцать, даже не десять…» – подумала Аглая и пошла вслед за ним. Они вновь молчали, но это молчание уже не было тяжёлым и тягостным. Всё свершилось, у Аглаи появился новый статус – и она этому была рада.

Когда они вошли в школу, Киря сказал, что ему надо забежать кое-куда, и вернулись на сцену они порознь.

Эдуард Парамонович их уже ждал и приказал повторить сцену между Ромео, то есть Огурцом, и Джульеттой, то есть Персиком, под балконом.

– И Киря, – устрашающе помахал пальцем Эдуард Парамонович. – Не вынуждай меня, слышишь?

Киря тупо на него посмотрел, хлопнул глазами, и они приступили к игре.

Джульетта (Персик)
«Огурец!
Огурец, о зачем же ты Огурец!
Покинь отца и отрекись навеки…»

Эдуарду Парамоновичу постепенно становилось плохо, но не от игры. В подсобке он слишком сильно залил печаль потерянного поколения и ушедшего великого искусства нетлен-

ным сорокоградусным успокоительным. У него мутнело в глазах, сушило горло, он потел и постоянно ёрзал на стуле – ему не хватало пространства, воздуха и свободы…

Огурец
«Клянусь тебе священною луной,
Что сребрит цветущие деревья…»

Персик
«О, не клянись луной непостоянной…»

– Так! – закричал Эдуард Парамонович и не смог встать с первого раза. – Так! Архангельская! – Он поводил взглядом в поисках. – Ты! Да-да, ты! Что ж ты делаешь? Опять? Опять? Скажи, ты опять?

– Что… – прошептала Аглая.

– Как что? Пищишь, будто у тебя подвешена гиря… – он не договорил и закатился смехом.

– Эй! – бросив на пол шляпу Огурца, выкрикнул Киря. – Вы не смеете её обзывать! Вы не смеете *нас* оскорблять! Понятно? Вы, алкаш!

Эдуард Парамонович вытаращил на него глаза, а затем развёл руки и опустил голову.

– Верю… А вот сейчас, Киря… верю… ой-ой, ой… Всё, короче, на сегодня хватит… Эх, Костя, Костя, – и Эдуард Парамонович ушёл, придерживаясь за спинки стульев.

Дети были в недоумении. Они стали забрасывать друг друга вопросами, что это было. Ничего толком не выяснили, и все сошлись на мнении, что их реэиссёр алкаш и всё тут. Недолго все хвалили Кирю за его смелый выпад и разошлись.

Аглая сегодня возвращалась домой в сопровождении Кири. Он нёс её портфель. Говорили мало, шёпотом, и это было новое, неизведанное, отчего притягательное чувство. Аглая была рада, довольна; только тот страшный корявый поцелуй, который ей совсем не понравился, немного смущал её.

7

На следующей неделе, в утро понедельника, Аглая Архангельская проснулась воодушевлённой, окрылённой новым этапом жизни, на который она возлагала надежды и строила не грандиозные, а просто счастливые приятные мечты. Но неделя выдалась абсолютно противоположной её надеждам. Её можно было бы описать как американские горки: сначала долгий, выматывающий подъём, на котором ты едва успеваешь сглотнуть, как вдруг уже летишь в бездну с замершим сердцем. Но всё выдалось точно наоборот: резкий и несуразный подъём, и мучительный, непрекращающийся спуск.

В театре всё было прекрасно в понедельник. Аглая, как обычно, пришла вовремя, но не первая. Её встретил Киря, чмокнул в щёчку, взял портфель и проводил до гримёрки. На сцене они уже появились вместе, смеющиеся и немножко стесняющиеся… В первом ряду расположилась вся трупа, разговаривала между собой, но Кире почему-то показалось, что они – как зрители или даже критики, надменно уселись в первый ряд уже с намерением его непременно хаять. Киря стушевался – посадил Аглаю на стул, а сам по-турецки сел на сцене и неправдиво громко смеялся чьим-то шуткам.

Вскоре показался Эдуард Парамонович. Удивительно, он был в новом облаченье: чёрная водолазка, на ней коричневый пиджак и брюки с протёртыми коленками. Вид его был солиднее прежнего (видать, его вызывали к директору или на еще какое-то официальное мероприятие),

но лицо, и особенно глаза, было так мрачно, тускло, что, казалось, над его головой шёл дождь, а руки и ноги закованы в кандалы.

Режиссёр прошёл до сцены, небрежно со всеми поздоровался и сказал, что это будет его последний концерт здесь, после чего он должен будет уехать. Каким бы он неказистым, пьющим и грубым ни был, дети его любили за талант, за профессионализм и непременное желание сделать не абы-как, а по-настоящему искусно. Детям было грустно, они его забрасывали вопросами – почему да как. Может быть, останетесь?.. Но в его «должен» звучало что-то трагическое, тупое и совсем им неодобряемое. Эдуарду Парамоновичу стало невыносимо всё это передумывать, и он приказал начать полный прогон. Он сел в центре зала как можно глубже в кресло, и актеры совершенно не понимали, играют ли они хорошо, верится ли их игре, путают ли они слова и будут ли они вообще сегодня хотя бы второй раз репетировать. Эдуард Парамонович поначалу старался углубляться в постановку, в искусство, но его устрашающие мысли захватили над ним власть – и он сдался. В конце пьесы он невзрачно похлопал, поблагодарил всех и вышел. Все переглянулись, никто ничего не понял. И вскоре в зале погас свет.

Аглае, несмотря ни на что, сегодняшняя игра понравилась, как никогда. Каждую сцену с Ромео она переживала не как Джульетта, а как она сама. В каждой своей и его фразах она видела правду, и ей хотелось любить ещё больше, сильнее и просто летать от силы, власти и вдохновения, которые её окатили… После репетиции она ещё десять минут плакала от такого накала чувств и эмоций.

Киря её сегодня не провожал. Когда она плакала, он был в панике, что ему делать. Он метался по сцене, он подносил стаканы воды, подавал салфетки и укутывал её пледом. Но она не заканчивала, и он решил позвать медсестру. Пробегая мимо раздевалки, он услышал голоса знакомых парней:

– Смотри, донжуан наш мчится.

– Ага, на крыльях лубви помчался к своей Джульетты.

– К какой Джульетте? К Персику!

И затем раздался грубый заливной хохот. Киря, как ошарашенный, в миг остановился. В его голове быстро-быстро зароились мысли, смыслы которых терялись. А в его душе закипел вулкан, и он боялся его пробуждения.

Чёрт Кири: «А я тебе говорил – Хватай и беги! Я тебе говорил? Говорил! А теперь как дурак».

Ангел Кири: «Да что ты такое говоришь? Вызвать всех наглецов нужно! Это дело любви, а значит заведомо благородное!»

Чёрт Кири: «Ага, чтобы огрести по полной из-за какой-то козявки… Нет-нет, так что – Хватай и беги!»

Киря долго думал и никак не мог прийти к ясному ответу. Вскоре он очухался, но не вспомнил, что он тут делает и куда ему нужно. Поэтому он вернулся в зал ни с чем, где Аглая уже пришла в себя без него.

– Кирь, ты где был-то? Чего так долго? – спрашивала Аглая.

– А? Я? да… да-да… Да там, проверить ходил, – мямлил Киря.

– Что проверить?

– Да не важно. Слушай, Аглай, это… Мне тут срочно отойти надо… Я тебя сегодня проводить не смогу… Давай завтра, – и он убежал, не поцеловав и не обняв её.

Аглая пожала плечами, не стала на него сердиться или обижаться и отнесла это всё к нормальным человеческим отношениям. «Наверно так оно и бывает», – решила она и пошла домой в одиночестве. На этом закончился её быстрый, несуразный подъём на американских горках.

На следующий день, во вторник, она увидела Кирю только один раз и то мельком и то благодаря олимпиаде по экономике. На втором и третьем уроках у всех классов организовали олимпиаду, в ней принимали участие только сильнейшие ученики – среди них и были Аглая с Кирей, Вася, Шура и несколько ребят из других классов. А все остальные учились согласно расписанию.

Шура написала быстрее всех, сдала листочки и пошла скорее на оставшуюся часть урока – она была не из тех детей, которые ходят на олимпиады лишь за тем, чтобы просто прогулять уроки. Вася, Киря и Аглая – в таком порядке – закончили работы и собрались в пустом буфете (пустой буфет во время урока – это еще один вид школьного удовольствия). Идти на неинтересные уроки, особенно на литературу, где всё никак не закончится это «ментальное поле», у них как-то не было желания.

Киря и Вася сперва говорили о работе, но потом быстро переключились на другие темы и заговорили об университетах.

Вася хотела непременно поехать в Москву, потому что в России больше негде хорошо устроиться. Киря принципиально отрицал Москву, он не видел в ней ничего манящего и такого, что нет в любом другом городе, и всё больше уповал на Питер или на худой конец мог остаться здесь. В речи Кири было что-то странное: он не сказал ни одного аргумента за или против Москвы или даже за или против Петербурга. Он говорил больше на эмоциях, которые пока непонятно, чем были вызваны.

Вскоре пришла Аглая, и Киря неожиданно замолчал. Первой заговорила Вася, она много расспрашивала Аглаю о заданиях и решениях, сравнивала со своими и если находила какие-либо расхождения, то свой вариант считала единственно верным.

– Я сейчас… За чаем схожу, – сказал Киря, встал и подошёл к прилавку.

– Чего это он? – спросила Вася.

– Ничего. А что? – Аглая верила и не верила своим словам. В любом случае, пока она сама во всём не разберется, сор из избы выносить не будет. Да и когда разберётся, тоже не будет…

– Ну не знаю… Киря какой-то странный ходит последнее время… Напряжённый какой-то, ты так не думаешь?

– Не думаю.

– Хм, а я думаю.

– Тебе показалось, – «Вот зачем она это говорит? Зачем такое вообще говорить?»

Затем подошёл Киря и принёс три гранённых стакана чая. Он сел на углу, не придвинувшись к Аглае, и чавкал чаем. Повисло короткое тяжелое молчание. Аглая смотрела в сторону Кири, не поднимала на него взгляда. Спрашивать, в чем дело она не решалась. Вася, прикрываясь чаем, лукаво улыбалась и думала, что обо всём догадалась.

– Я сейчас… Отойти надо, – сказал Киря и ушёл.

В стакане у него осталось больше половины недопитого чая. Аглая бросила на него боязливый взгляд, когда он встал, и опустила голову. «Ну ладно», – подумала лишь она.

Чёрт Аглаи: «Кинь его!»
Ангел Аглаи: «Ну что ты! Нужно выяснить, в чем дело. Вдруг что-то стряслось».

Вася молча пила чай и торжествовала своей дедуктивной догадке. Аглая под столом написала Кире сообщение: «Всё в порядке?» – и вернулась к чаю. Он для неё был приторно сладким и передержано крепким.

В итоге, Киря не появлялся остаток дня, и Аглая начала нервничать. Она пыталась дозвониться до Кири, писала смски и не получила ни одного ответа.

Чёрт Аглаи: «Он убежал! Кинул тебя! Потому что ты сама лохудра! Он убежал к Васе! Васе!! Васе!!!»

Ангел Аглаи: «Не слушай, он просто в делах, либо готовит тебе сюрприз. Вот увидишь».

Аглая не знала, что думать. Она никогда не сталкивалась с такой непонятной ситуацией. Она её боялась и поначалу долго не могла уснуть. Даже попросила маму спеть ей песенку, как в детстве, но мама сказала: «Ты что, маленькая? Спи!» – выключила свет и ушла.

Среда и четверг были унылыми и злыми днями. В среду утром Киря ответил ей на смску: «Да, всё хорошо», – и больше ни слова. Она пыталась подойти к нему на перемене, но он, общаясь с одноклассниками, сделал вид, что не заметил её и прошёл мимо. Причём это было действительно глупо и наигранно, потому что Аглая прошла в метре от него, хотела уже сказать привет, но в этот самый момент он хлопнул друга по плечу, громко засмеялся и пошёл в другую сторону. «Ну ладно! Ну пожалуйста!» – подумала Аглая и тоже пошла в противоположную сторону.

Чёрт Аглаи: «Он дурак! Он сам мерзкий имбецил! Его нужно наказать…»

Ангел Аглаи: «Наверняка у него что-то стряслось. Просто боится признаться».

В эти два дня у Аглаи было две самостоятельных работы по алгебре и химии и одна контрольная по физике. И, конечно, после каждой работы Шура, Вася и Аглая собирались вместе и обсуждали.

– Как же вы не написали реакции с щелочами? Это же просто, ну вы чего! – раздувалась в букву «О» Шура и взмахивала руками. Она, как обычно, написала всё быстрее всех и ещё попросила дополнительное задание.

– А последнее уравнение вы решили? – спрашивала Вася, когда перешли на алгебру.

– Ой, да там и решать нечего было, – ответила Шура.

– Ну так… Я как-то написала, но ответ у меня иррациональное число получилось.

– У меня сразу всё сошлось. Там просто, – долго дожидалась этой фразы Вася.

В театре же тоже было не ахти. Эдуард Парамонович опаздывал на репетиции. Не давал никаких распоряжений, не следил за игрой актёров, что-то постоянно бубнил себе под нос и принял самый неблагоприятный вид: сальные волосы, зеленые мешки под глазами и дрожащие красные руки.

Аглае не нравилось теперь играть сцены с Кирей. Он играл неестественно, с натугой, махал активно руками, иногда реплики даже произносил как-то зло.

– Подожди, – в четвер он даже прервал репетицию. – Ты что делаешь, Архангельская? Как двигаться нужно? Будто по тебе переливается ртуть. А ты как двигаешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.